

СЪ НАТУРЫ.

Какъ я видѣлъ Л. Н. Толстого.

Воспоминаніе Скитальца (С. Петрова*).

I.

Мнѣ вспоминается яркій солнечный апрѣль въ Крыму, каменистый берегъ моря въ Олензѣ, вѣчный неугомонный гулъ прибоя, а на берегу лача „Нюра“ вычурной, затѣйливой архитектуры, вся бѣлая, веселая, кокетливая...

Роскошной темно-синей поленой колыхалось могучее море, освѣщенное весеннимъ радостнымъ солнцемъ, кое-гдѣ качались надутые вѣтромъ паруса фелюгъ и рыбацкихъ лодокъ, иногда вдали на горизонтѣ медленно проплывалъ черный грузовой пароходъ.

А на террасѣ бѣлой вычурной „Нюры“ стоялъ сумрачный Горькій, длиноволосый, худой и блѣдный, въ простой черной рубахѣ, высокій, похожій на чернаго рыцаря, и, помню, декламировалъ:

„Впередъ! пусто въ океанѣ жизнь!
„Правда мачтой въ небеса уиретя!“

А потомъ импровизировалъ:
„Какъ песъ большой, породы волкодавовой
„Прикованъ на цѣпь я въ красивой конурѣ!“

Это была весна 1902 года, когда имя его было громовымъ, слава—ослѣпительной, а самъ онъ, едва отдохнувъ отъ нижегородской тюрьмы, готовился ѣхать въ арзамасское заточеніе.

Но онъ, только что спѣвшій тогда пророческую „пѣсню буревѣстника“, боевымъ крикомъ прокатившуюся по Россіи, былъ сумраченъ и замкнутъ не отъ подавленности духа, невѣдомой ему, а отъ напряженной сосредоточенности, отъ затаенной радости буревѣстника, отъ увѣренности въ побѣдѣ...

Никогда никто изъ людей, знавшихъ его, не видѣлъ Горькаго болѣе замкнуто бодрымъ, чѣмъ въ это время радостныхъ предчувствій и весеннихъ ожиданій.

И уповающія взоры всей Россіи были направлены на него, этого Дуку, вѣчно обманывавшаго насъ красивымъ обманомъ своихъ прекрасныхъ фантазій, этого благороднаго Донъ-Кихота, общавшаго своему Санчо сказочный „островъ мечтаний“. И никто не вѣрилъ въ этотъ островъ болѣе, чѣмъ самъ онъ.

Толпа увлекалась имъ.

На время были забыты все, даже ижно-любимый, близкій всемъ—Чеховъ.

Даже высившійся надъ головами всехъ Монъ-Бланъ—Толстой оставленъ былъ на это время въ своемъ величавомъ покоѣ.

Толпа бѣжала за воинственнымъ Горькимъ, увѣячаннымъ живыми цвѣтами геройства, въ рыцарскихъ доспѣхахъ появившимся на боевомъ конѣ.

Голубые глаза его сіяли неземнымъ свѣтомъ: они испускали два голубыхъ луча, и все, на что ни устремлялся этотъ волшебный взоръ—освѣщалось радостнымъ свѣтомъ, и не могъ онъ видѣть міра въ его настоящемъ, будничномъ свѣтѣ. А когда онъ смотрѣлъ вдаль—всемъ казалось, что на горизонтѣ восходитъ заря, и преклонялись предъ нимъ, ослѣпленные его лучезарнымъ взглядомъ, очарованные его вдохновеннымъ словомъ, и росла бѣжавшая за нимъ толпа, ибо думала, что у него за пазухой лежитъ путь въ обѣтованную страну, текущую млеко и

медомъ, къ завѣтному острову свободы со всеми угодами и землями, со всеми благополучіями и воздушно-хрустальными замками...

И она, эта волшебная страна, была его Дульциней, во славу которой бряцалъ онъ свои звучныя пѣсни.

Я недавно видѣлъ Шалапина въ роли Донъ-Кихота: безподобно-трогательнѣе благородный рыцарь, когда наконецъ-таки встрѣчаетъ Дульцинею и дѣлаетъ ей предложеніе; она отвѣчаетъ ему смѣхомъ, и смѣхомъ же раздражается уличная толпа, и когда все уходитъ—онъ остается одинъ, словно облитый помоями, жалкій, какъ мокрая курица.

„Какъ мало было нужно, чтобы сразить меня!“—съ горечью сознается печальный рыцарь.

Я давно не видѣлъ Горькаго; съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Россіи. Но уже въ его твореніяхъ послѣднихъ лѣтъ чувствуется затаенная грусть.

„Вынь свой черный клювъ изъ сердца моего, гдѣ скорбь—всегда!“

Все еще борется съ властью унынія раненый соколъ. И не рокоцуть болѣе на золотыхъ струнахъ вѣщей лиры прежнія бури, не раздражаются громовые раскаты.

И кажется мнѣ, что и теперь стоитъ онъ на берегу скалистаго острова, высокій, въ черной рубахѣ, похожій на чернаго рыцаря, слушаетъ прибой чужлага моря, и стоищее море доноситъ къ нему вздохи родины, цѣпей, ругань хамовъ, свистъ и смѣхъ равнодушной толпы...

„Какъ мало было нужно, чтобы сразить меня!“

Но тогда, на берегу Чернаго моря, на дачѣ „Нюра“ было иначе: весеннее небо, весеннее море, тепломъ вѣющій южный вѣтеръ и весна въ сердца! Все предвѣщало конецъ невгодамъ! И не важно было, что Горькому не позволили жить въ Ялтѣ, что ему скоро нужно было удалиться въ Арзамасъ. Изъ Ялты на одинокую „Нюру“ пріѣхалъ цѣлый оркестръ, и полились въ честь героя сладчайшіе струнные звуки, потянулись отовсюду друзья и поклонники.

Шумно и весело стало на „Нюрѣ“. Казалось, что изъ самаго моря слышались звуки скрипокъ, пѣніе и серебристый смѣхъ...

И когда, наконецъ, всё схлынуло, пріѣхалъ царь пѣвцовъ—Шалапинъ.

Это было въ страстную субботу, поздно вечеромъ. Была темная весенняя ночь съ влажнымъ вѣтромъ. Изъ Кореиза доносился трезвонъ колоколовъ. Весь женскій персоналъ въ домѣ Горькаго изъ любопытства отправился въ корейскую церковь, и въ обширной столовой „Нюры“, кромѣ Горькаго, былъ только я, тоже недавно пріѣхавшій поправлять здоровье.

Вдругъ изъ передней послышался звучный бархатный голосъ.

— Шалапинъ!—радостно вскрикнулъ Горькій и бросился къ нему навстрѣчу.

Я подошелъ къ дверямъ посмотрѣть на Шалапина, котораго до этого еще не видѣлъ и не слышалъ.

Даже въ сравненіи съ силачомъ Горькимъ онъ казался гигантомъ. На немъ была суконная поддевка и высокіе сапоги. Широкоплечій, огромный, какъ слонъ, съ круглымъ лицомъ, онъ походилъ на здоровеннаго деревенскаго парня.

— А я, знаешь-ли, изъ Севастополято на лошадахъ!—добродушно улыбаясь, говорилъ онъ Горькому негромкимъ и не густымъ, а только чрезвычайно чистымъ и музыкальнымъ голосомъ:— да долго плуталъ тутъ, пока нашелъ эту самую „Нюру“!

Потомъ они вошли въ столовую, и Горькій познакомилъ насъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли въ уголку столовой вокругъ овальнаго столика, за бутылкой краснаго вина.

То-ли, что они, кажется, не видались около года, настроеніе ли пасхальной ночи повліяло, или обѣимъ этимъ персонамъ выпалъ рѣдкій случай поговорить наединѣ, безъ „придворныхъ“, имѣя третьимъ лицомъ только чрезвычайно молчаливаго слушателя—но разговоръ двухъ замѣчательныхъ людей былъ въ этотъ вечеръ удивительно-задушевнымъ и очень для меня интереснымъ: они предавались воспоминаніямъ, рассказывая другъ другу исторію своей жизни. Нужно было видѣть ихъ радость, когда сказалося, что лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Горькому было двадцать лѣтъ, а Шалапину семнадцать—оба они, не зная другъ друга, приходили въ Казани въ оперетку Семенова-Самарскаго съ желаніемъ поступить въ хоръ, причемъ Шалапинъ по молодости лѣтъ и отсутствію голоса не былъ принятъ, а Горькаго, всегда имѣвшаго плохой голосъ, приняли, но онъ на другой день предпочелъ занять подвернувшуюся ему должность молодобойца въ кузницѣ.

Эта подробность впоследствии пошла изъ устъ въ уста и мнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ не разъ приходилось слышать ее, переработанную въ легенду о томъ, какъ Горькій и Шалапинъ были знакомы еще въ дѣтствѣ и вмѣстѣ, юношами, скитались по свѣту.

На самомъ же дѣлѣ они познакомились только въ 1909 году въ Нижнемѣ, за годъ до этой встрѣчи на дачѣ „Нюра“.

Шалапинъ гостилъ у Горькаго всю пасхальную недѣлю. Опять наѣхали гости, музыканты, композиторы, артисты, режиссеры, писатели, дамы... Было шумно, празднично и публично, какъ всегда у Горькаго. Шалапинъ пѣлъ безъ конца, былъ остроуменъ—неистощимо рассказывалъ и смѣшилъ всѣхъ, не умолкая ни на минуту. Онъ былъ великимъ артистомъ не только на сценѣ, но всюду и всегда, во всякій моментъ своей жизни.

Когда къ концу недѣли всё разѣхались и изъ пріѣзжихъ кромѣ меня остался только Шалапинъ—Горькій однажды сказалъ ему при мнѣ:

— А знаешь-ли, пойдемъ сейчасъ къ Толстому? а?

Оказалось, что Толстой жилъ тогда со всей семьей въ Гаспрѣ, въ десяти минутахъ ходьбы отъ дачи „Нюры“, наверху, около верхняго шоссе.

— Пойдемъ!—согласился Шалапинъ.

Мнѣ страшно захотѣлось пойти съ ними и, благодаря имъ, увидѣть Толстого. Вѣдь много случая не представится! Судьба случайно столкнула меня съ этими высоко стоящими людьми, и я зналъ—что не надолго. Вѣдь мнѣ съ ними не дѣтей крестить!—думалъ я. Значить, пускай они и Толстой думаютъ обо мнѣ, что имъ угодно—а я все таки погляжу на богатыря.

И я попросилъ ихъ взять меня съ собою.

Горькій, не разъ бывавшій у Толстого въ Ясной Полянѣ и находившійся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, сталъ отговаривать.

— Не совѣтую!—сказалъ онъ:—непріятно вамъ будетъ! я вотъ про себя скажу—вѣдь, какой ни-на-есть, а все-таки я—писатель,—скромно отозвался онъ о себѣ,—но, когда говоришь съ Толстымъ—чортъ его знаетъ отчего—чувствуешь себя какимъ-то мальчишкой—ей-Богу! не человекъ говорить—гора говорить!

Шалапинъ заступился за меня. Они посовѣтовались, поспорили и, наконецъ, рѣшились взять и меня къ человеку-горѣ.

Мы отправились къ нему напрямикомъ по тропинкѣ, черезъ какую-то рощу, перелѣзали черезъ изгороди, карабкались на гору и, наконецъ, минуя Кореизъ, выѣзжали прямо къ сумрачному замку изъ темнаго камня, выстроеному въ строгомъ средневѣковомъ стилѣ. Кругомъ него былъ большой запущенный садъ, зеленый лугъ съ клумбами цвѣтовъ и—ни души!

Пока шли—Горькій рассказывалъ, что Толстой оправляется теперь отъ только что перенесенной имъ тяжелой болѣзни, кажется—воспаленія легкихъ.

Хвалилъ Софью Андреевну.

— Это правильно она говоритъ: если бы не она—такъ онъ бы десять разъ самъ себя Голгоу устроилъ! Умная баба! Я ей говорю въ прошлый разъ: вотъ—его отлучили: въ случаѣ, если помретъ, безъ поповъ хоронить

придется! такъ она даже кулакомъ по столу пристукинула: говорить: „вотъ увидите—митрополитъ хоронить будетъ! ми-тро-политъ!“ да, съ большимъ характеромъ женщина.

Увы! черезъ восемь лѣтъ послѣ этихъ словъ Толстой устроилъ таки себѣ Голгоу, и не спасла его Софья Андреевна и не хоронилъ митрополитъ.

Рассказывалъ содержаніе повѣсти „О. Сергій“, которую Толстой ему читалъ. По словамъ Горькаго, вещь эта написана съ ужасающей силой. Говорилъ о томъ, какой удивительный рассказчикъ Толстой въ живой бесѣдѣ.

— Онъ какъ-то такъ лѣпиль руками изъ воздуха, какъ скульпторъ, и вотъ—видишь передъ собой всё эти лица и фигуры, какъ живыя! Лѣпиль, лѣпиль, создаетъ все изъ воздуха, вызываетъ къ жизни изъ ничего, а потомъ дунетъ—и все исчезло! колдунъ!

Въ прошлый разъ какъ-то рассказывалъ онъ мнѣ содержаніе одной новой повѣсти какого-то молодого неизвестнаго автора, напечатанной въ одномъ плохенькомъ журнальчикѣ: вѣдь онъ все читаетъ, ничего не пропуститъ. Ну, братецъ ты мой, та-акъ рассказывалъ, что у меня глаза на лобъ выѣзли: батюшки, думаю, новый талантище появился, а я и прозѣвалъ! Пришелъ домой, отыскалъ эту повѣсть, прочелъ и только въ затылкѣ почесалъ: конечно—ерунда! бездарность безнадежная, ничего и похожаго-то нѣтъ на то, что рассказывалъ Толстой! А если бы тотъ могъ такъ написать, какъ этотъ рассказывалъ! да!

Мы взобрались на парадное крыльцо и позвонили. Огромная дубовая дверь средневѣковаго стиля тотчасъ же отворилась.

Имена Горькаго и Шалапина оказали магическое дѣйствіе: насъ пропустили въ залъ.

Минуть черезъ пять вышла Софья Андреевна. Она въ то время производила впечатлѣніе бодрой, милой женщиной. Приняла насъ привѣтливо и завела салонный разговоръ.

Потомъ сказала:

— Вы, вѣроятно, хотите видѣть Льва Николаевича? Я уже ему и говорила о васъ: онъ очень извиняется, что не можетъ принять васъ и очень сожалѣетъ объ этомъ, но онъ еще слабъ и ему вредно говорить.

„Вотъ тебѣ и разъ!“—подумалъ я. Тутъ одинъ за другимъ стали входить остальные члены многочисленной семьи Толстого, и мнѣ даже надоѣло безъ конца вставать со стула и знакоматься: такъ ихъ было много.

Не знаю почему, но мнѣ показалось, что Толстой въ своей традиціонной мужичьей рубахѣ, со своимъ ученіемъ и со всѣмъ міромъ своихъ идей долженъ быть одинокомъ въ своей семьѣ, что это страшное одиночество ему нужно, не тяготитъ его, не чувствуется имъ и даже представляетъ, пожалуй, для него удобство.

Разговоръ графини съ Горькимъ и Шалапинымъ былъ незначительный, условно-салонный. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда они поднимутся уходить.

Высидѣвъ десять минутъ, мы поспѣшили уйти.

Опять спустились къ морю, внизъ, по той же тропинкѣ. Горькій и Шалапинъ шли впереди меня, рядомъ. Последній, по своему обыкновенію, умо-

Оазисъ въ пустынь Сахара.

Малекъкій фельетокъ.

Революціонная роль пароходовъ Фуксмана.

Однажды вечеромъ въ спокойствіи чашномъ прогуливался и по берегу Томи. Попадается мнѣ въ крайне разстроенныхъ чувствахъ и въ весьма возбужденномъ состояніи Кузьма Прохорычъ Перепелкинъ, какъ будто онъ только что совершилъ тяжкое преступленіе въ запальчивости и раздраженіи.

— Кузьма Прохорычъ, что такое, голубчикъ, съ вами случилось? На васъ лица нѣтъ.

— Это безобразіе! Это... это—не архимилліонеръ, а архиреволюціонеръ!

— Да кто такой?

— Кто... Фуксманъ.

— Фуксманъ?!.. Христось съ вами—Богородица, какой же онъ революціонеръ?

Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что составляетъ социальную основу современнаго общества?

— Немного неожиданный вопросъ. Ну, собственность...

— Такъ. А еще что?

— Что же еще?... Семья, что ли.

— Ну вотъ, семья и собственность... Это, выражаясь архитектурнымъ языкомъ, два быка, на которыхъ покоится грандіозный мостъ современнаго социальнаго строя... И вотъ никто иной, какъ Фуксманъ, эти основы подрываетъ въ самомъ корнѣ.

— Да какъ такъ?..
— Сами посудите: собрался я вчера съ семьей плыть на пароходъ Фуксмана въ Барнаулъ. Усадилъ свою „половину“ со всеми коробками и картонками, собственноручно перенесъ Петичку и Количку и пошелъ за груднымъ младенцемъ Жоржикомъ. Въ этотъ самый моментъ пароходъ далъ сразу второй и третій свистокъ и въ одинъ мигъ отчалилъ. Ну, скажите пожалуйста, развѣ это не нарушение святости семейнаго союза, не оскверненіе домашняго очага?

— Допустимъ, что такъ...

— Но это не все. Промучившись кое-какъ цѣлая сутка съ Жоржикомъ (всю ночь, мерзавецъ, спать мнѣ не давалъ)—являюсь опять на пристань въ благочестивомъ намѣреніи плыть вслѣдъ за своей „половиной“. Усаживаюсь съ младенцемъ на пароходъ и жду отправки... Жду часъ, жду другой... Наконецъ, не вытерпѣвъ, побѣжалъ на берегъ кушать въ лавочкѣ папирось. Мошенникъ капитанъ какъ будто этого только и ждалъ,—свиснулъ и пошелъ. Я остался на берегу съ коробкой папирось, а Жоржикъ съ багажемъ уплыли.

— Да, неприятная исторія... что же вы теперь дѣлать думаете?

— Да что... поѣду въ „Буффъ“—больше ничего не остается. Пусть жена на Фуксмана пеняетъ.

Володарь.

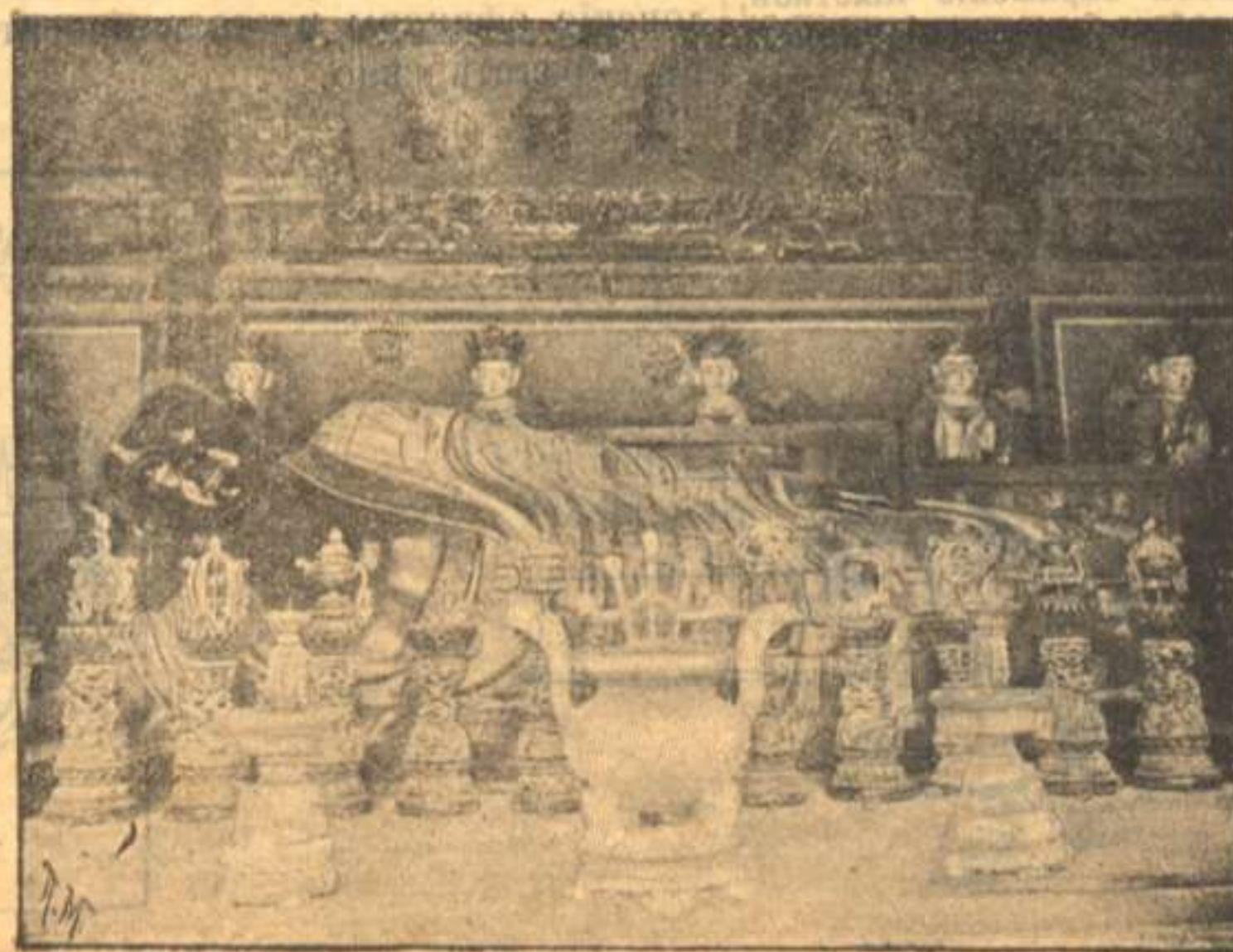
Сердце проситъ ласки,
Сердце жаждетъ нѣги,—
А кругомъ такъ мало ласки и любви!
Иль одна я только же не знаю въ
миръ?
Или равно всѣ любовью мы бѣдны?!

Ахъ, зачѣмъ дано мнѣ сердце молодое?
Оно такъ мятежно бьется, говорить.
А я чую въ жизни что то роковое.
Знаю... что никто на зовъ мой не спѣшитъ!!

Изъ міра литературы и искусства.

— Издательство „Шиповникъ“ съ осени предпринимаетъ изданіе дѣтскаго журнала „Жаръ-Птица“, подъ редакціей К. И. Чуковского. Въ журналѣ примутъ

Кыргайская кумирня.

рительно остраль и балагурилъ, не умолкая, дурачился, какъ милый большой ребенокъ, а Горькій насупился и молчалъ.

Внизу шумѣло вечернее море. Тѣни горъ уже простирали надъ нимъ свою тихую вечернюю печаль. Въ Оленизѣ и Коренизѣ зажигались огоньки.

А я думалъ:

„Тамъ, внизу, боготворять воть этихъ двоихъ, геніальныхъ.. Но здѣсь, наверху, гдѣ лежатъ въ тишинѣ старый богатырь Святогоръ, съ ними не очень то церемонятся и даютъ чувствовать, что передъ старымъ то они еще не богъ-вѣсть какія персоны—эти молодые богатыри!“...

На другой день уѣхалъ Шалапинъ, а недѣли черезъ двѣ—1 мая поднялся и Горькій со всей своей семьей—въ Арзамазъ подъ гласный надзоръ.

Въ дачѣ „Нюра“ поселилась какая-то большая чиновничья семья.

(Оконч. слѣдуетъ).

Скиталець (С. Петровъ).

Любовь.

Не дрожи въ рукѣ, зубило,
Бей сильнѣе молотокъ!
Сердце бурно полюбило,
Кровь играетъ, какъ потокъ...

Близокъ вечеръ, по заводамъ
Доуѣваютъ гимнъ труда,—
Я пойду къ безмолвнымъ водамъ
Монастырскаго пруда.

Тамъ подъ кленами присяду
На цвѣточныя ковры,
Буду жлать свою наяду
До условленной поры.

Вмѣстѣ съ трелью соловьиной
Зазвучатъ шаги и смѣхъ,
И съ мечтой любви единой
Грудь задышитъ—словно мѣхъ.

Будутъ клятвы, будутъ ласки:
Жизнь—рѣка, любовь—притокъ...
Я конца не знаю сказки,
Бей сильнѣе, молотокъ!..

„К. П.“

Андрей Дикій.

участіе, главнымъ образомъ, юмористы—А. Аверченко, Вл. Азовъ, Н. Тэффи и другіе.

— Обнаруженныя недавно въ парижскомъ архивѣ семьи Тургеневыхъ письма Пушкина къ А. И. Тургеневу вскорѣ появятся въ одной изъ книжекъ журнала „Русскій Библиофилъ“; ихъ около десятка, и всѣ они будутъ даны въ снимкахъ съ подлинниковъ.

— Былъ ли Данте образованнымъ человекомъ? Этому вопросу посвящена вышедшая недавно на итальянскомъ языкѣ брошюра, авторъ которой дѣлаетъ свои выводы на основаніи изученія твореній Данте. Уровень тогдашней образованности, указываетъ авторъ, стоялъ еще такъ невысоко, что отдѣльному уму не трудно было обладать знаніями во всѣхъ областяхъ науки, главнымъ образомъ, основывавшейся на Аристотелѣ. Данте и были извѣстны, повидимому, всѣ переводы сочиненій Аристотеля. Астрономія ему была извѣстна по сочиненіямъ арабскаго ученаго Альфрагана. Кроме того, Данте состоялъ членомъ корпорации флорентинскихъ врачей и аптекарей и медицину изучилъ по трактатамъ знаменитаго римскаго врача Клавдія Галена (ум. въ 200 г. по Р. Хр.), который вплоть до XVII столѣтія продолжалъ считаться авторитетомъ по медицинѣ.

— Нашумѣвшая книга Каринъ Михалісъ „Опасный возрастъ“ вышла во французскомъ переводѣ съ предисловіемъ Марселя Прево.

Наука и жизнь

Лечение чахотки радіемъ.

Открытію докторомъ Шендеффи средства противъ чахотки, о чемъ на дняхъ сообщалось, придается мировое значеніе. По словамъ „Times“, этимъ открытіемъ заинтересовались почти во всѣхъ странахъ міра, тѣмъ болѣе, что въ цѣлебномъ дѣйствіи средства Шендеффи играетъ какую-то лока тавственную роль радій, тотъ самый радій, который былъ открытъ г жей Кюри. На одинъ кубическій сантиметръ врыскиваемого раствора докторъ Шендеффи беретъ одну стотысячную миллиграмма радія въ эфирномъ растворѣ, и вотъ эта-то почти бесконечно малая часть таинственнаго элемента оказываетъ паразитическое дѣйствіе.

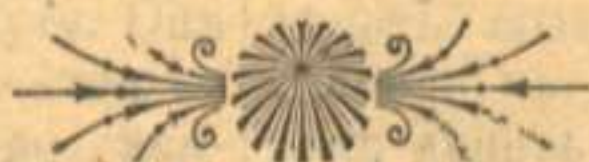
По мнѣнію д-ра Шендеффи, туберкулезъ вызывается не бактеріями Коха. Это культурные сапрофиты, т. е. микроскопическія растенія, питающіяся отбросами и живущія въ человеческомъ организмѣ; вредными для здоровья они становятся лишь въ предрасположенныхъ организмахъ. Но д-ръ Бергеймъ съ такимъ взглядомъ не согласенъ и утверждаетъ, что причина чахотки — упоманутая бактерія. По общему мнѣнію французскихъ специалистовъ, пылъ съ примѣсью бактерій, попадая на высохшіе дыхательные пути, вызываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ зараженіе чахоткой, чему, конечно, способствуетъ ослабленность организма.

Последніе годы установился взглядъ, что туберкулезъ въ той или иной формѣ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ думали раньше. Нѣкоторые авторитеты утверждаютъ, что едва ли найдется человекъ, дожившій до 40 лѣтъ, въ организмѣ котораго не было бы слѣдовъ туберкулеза, пережитаго въ одинъ изъ предшествовавшихъ періодовъ. Весьма распространенный и часто весьма опасный бронхитъ можетъ быть туберкулезнымъ. Но новое средство—радіоактивный ментолъ-йодивъ—обнаруживаетъ также замѣчательныя цѣлебныя качества и по отношенію къ бронхиту. Оно быстро излечиваетъ его, и, повидимому, ему предстоитъ великое будущее также и какъ средству противъ бронхита.

Конечно, д-ръ Шендеффи не считаетъ найденное имъ средство излечивающимъ всѣ случаи заболѣванія чахоткой, такъ какъ едва ли можно говорить о восстановленіи организма, въ которомъ легкія со-

вершенно излечены чахоточными бактеріями. Открытое имъ средство—лишь весьма дѣйствительно противъ чахотки и совершенно безвредно по своему побочному дѣйствію. Санаторіи же, на которыя возлагалось столько надеждъ, по мнѣнію д-ра Шендеффи, не оправдываютъ дѣлаемыхъ на нихъ денежныхъ затратъ. Правда, пациенты въ нихъ цоправляются въ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, но по возвращеніи домой процессъ разрушенія начинается снова.

Д-ръ Шендеффи готовъ бесплатно представить въ распоряженіе всѣхъ врачей свой препаратъ и дать гавставленіе къ пользованію имъ, при условіи сообщенія ему результатовъ наблюденій. Д-ръ Бергеймъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками сдѣлалъ уже нѣсколько тысячъ врыскиваний новаго средства и ни разу не наблюдалъ кого-либо неприятнаго побочнаго дѣйствія.

Разныя извѣстія.

Случай съ В. К. Саблеромъ.

„Одесск. Л.“ передаетъ слѣдующій фактъ изъ жизни В. К. Саблера.

Возвращаясь однажды съ кавказскихъ курортовъ, В. К. Саблеръ, теперешній оберъ-прокуроръ св. синода, сидѣлъ за столомъ на ростовскомъ вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда. За тѣмъ же столомъ сидѣли генералы, одинъ изъ которыхъ нещадно дымилъ папирской.

Саблеръ, имѣя передъ глазами плакатъ съ надписью: „Курить за столомъ воспрещается“, сталъ его подвигать къ глазамъ курившаго папиросу генерала.

Сначала генералъ какъ будто не замѣчалъ этого маневра; затѣмъ на лицѣ его выразилось неудовольствіе, а когда Саблеръ совсѣмъ пододвинулъ плакатъ вплотную, генералъ вскочилъ и громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Жанлармъ! Вотъ какой-то человекъ (Саблеръ былъ въ штатскомъ платьѣ) меня оскорбляетъ. Я знаю, что дѣлаю! Составь протоколъ!

Явившійся на зовъ жандармъ тотчасъ приступилъ къ составленію протокола.

На вопросъ жандарма о званіи, имени и фамилии получился отвѣтъ:

— Тайный совѣтникъ Владиміръ Карловичъ Саблеръ.

Генералъ вскочилъ, какъ ужаленный, и униженно сталъ просить извиненія. Но Саблеръ вытребовалъ жандарма для составленія протокола. Вмѣшались донскіе офицеры и стали просить его пр екратить дѣло.

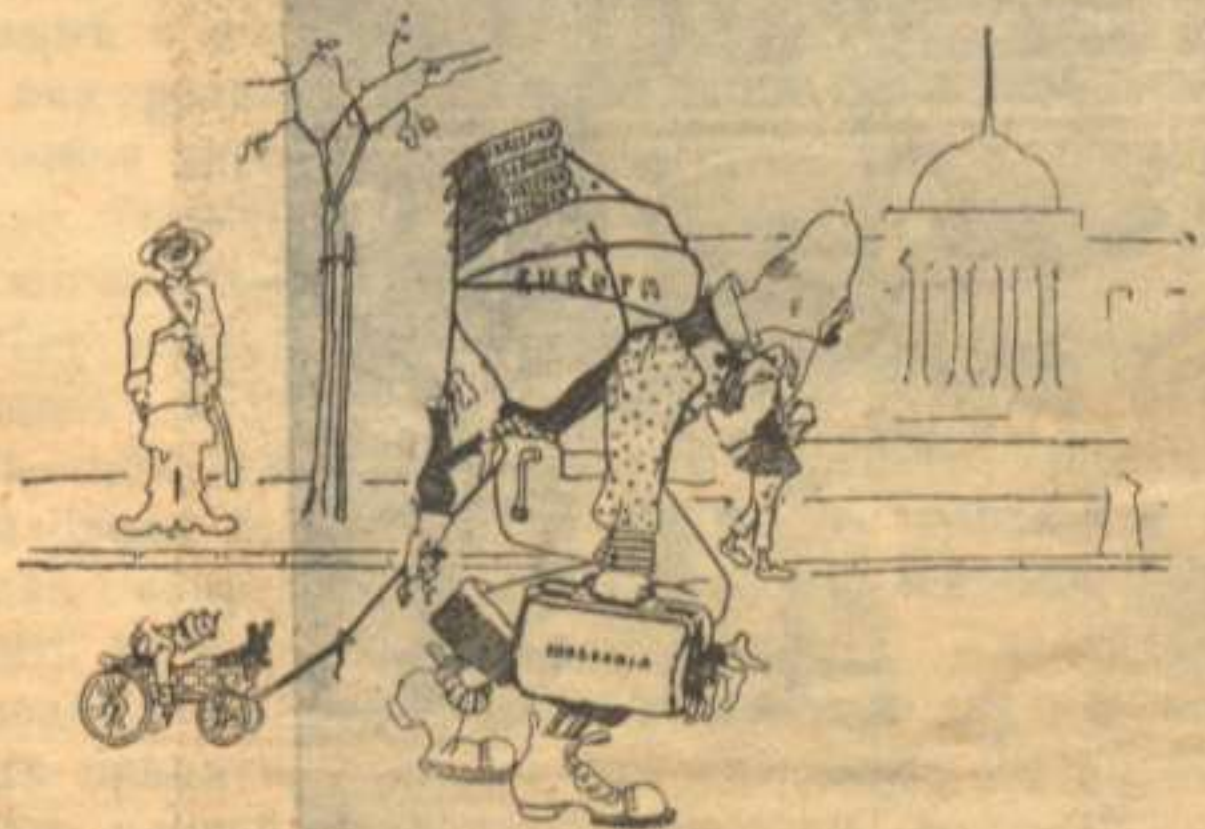
Тогда Саблеръ отвѣтилъ:

— Простить генерала я не могу, но прекращаю дѣло въ уваженіе просьбы доблестныхъ и мною уважаемыхъ донскихъ офицеровъ.

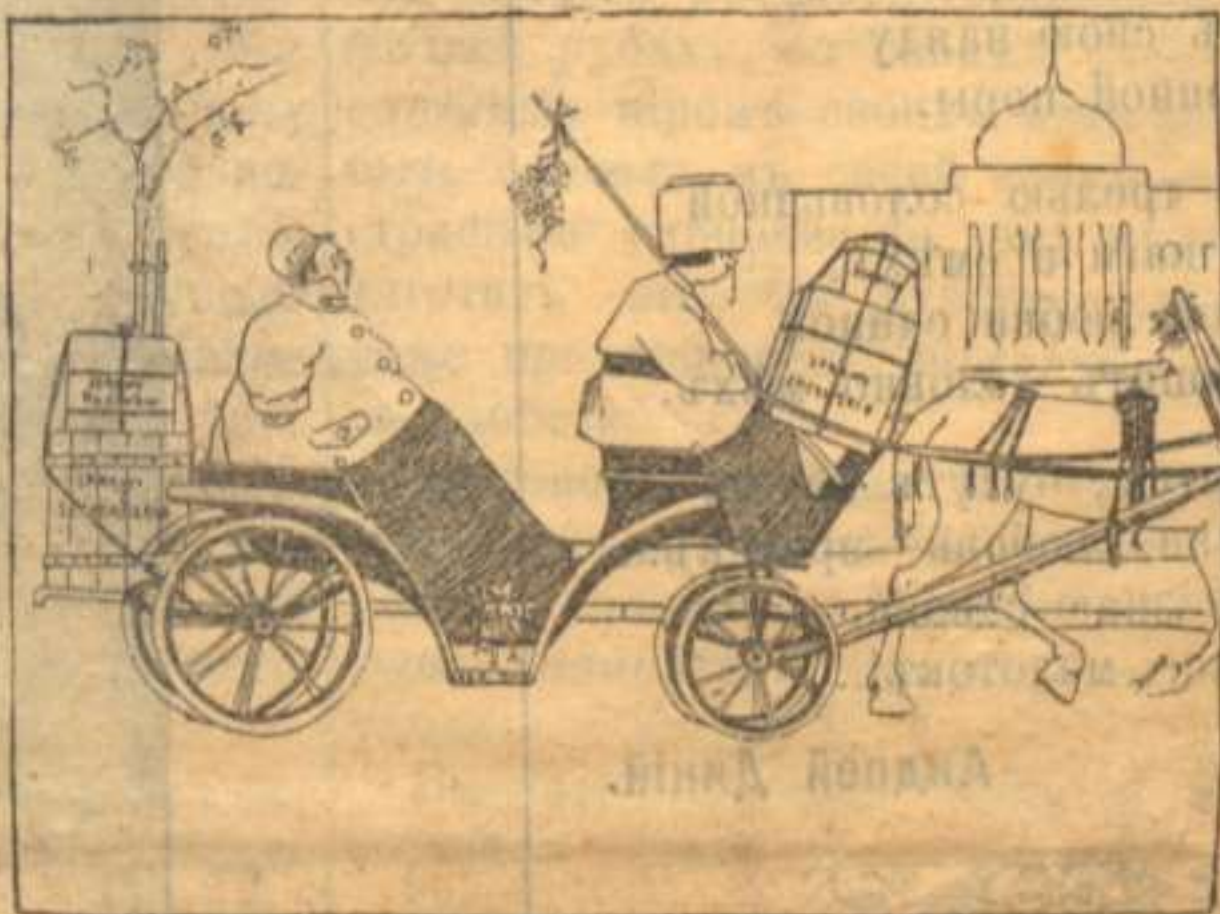
Этимъ трагикомедія и окончилась.

Письмо Лютера.

Американскій милліонеръ Морганъ на аукціонѣ въ Лейпцигѣ приобрѣлъ черезъ своего агента за 50000 руб. на наши деньги подлинное письмо Мартива Лютера императору Карлу V. Какъ говоритъ „Times“ автографы Лютера не составляютъ исключительной рѣдкости и продавались обыкновенно за 2—3 тыс. франковъ. Громадная цѣна, уплаченная Морганомъ, объясняется особой важностью этого документа. Письмо написано 28 апрѣля 1521 года, черезъ два дня послѣ того, какъ Лютеръ покинулъ съѣздъ въ Вормсѣ, куда былъ вызванъ императоромъ для оправданій и согласованія своихъ взглядовъ съ догматами и требованіями католической церкви. Отъѣздъ Лютера, подтвердившаго свое разномысліе съ православными богословами въ Вормсѣ, былъ въ сущности болѣе похожъ на бѣгство. Черезъ два дня онъ написалъ императору Карлу V на латинскомъ языкѣ длинное объяснительное письмо, которое такъ и не дошло до монарха, потому что никто не рѣшился его передать. Въ этомъ письмѣ излагаются всѣ основы протестантизма, вся религіозная исповѣдь Лютера и подробная критика римско-католической церкви. Такой документъ долженъ быть, конечно, особенно дорогъ нѣмцамъ, и нѣсколько вѣмецкихъ коллекционеровъ оспаривали его у американскаго капиталиста, чтобы сохранить въ Германіи. Но повѣренный Моргана имѣлъ полномочіе дать какую угодно цѣну. На 50 тысячахъ рублей нѣмцы уступили.

Пуришкевичъ. — Хоть тяжело, доташилъ. А ужъ я зато покажу имъ по настоящему!

Гр. Бобринскій. — Валяй, Валя, въ Думу; я имъ покажу.